

Марусенко Михаил Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

mamikhail@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РФ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

В статье обосновывается необходимость смены научной парадигмы, определяющей языковую идеологию и языковую политику Российской Федерации как в эпоху существования СССР, так и после его распада. Этнокультурная языковая парадигма, усиливающая центробежные тенденции в национальном строительстве, не соответствует цели строительства единой гражданской российской нации, которая должна определять задачи языковой политики на современном этапе.

Ключевые слова: языковая идеология, языковая политика, национальная идентичность, гражданская нация, этнонационализм, регионализм.

В предшествующей (этнокультурной) языковой парадигме языки рассматривались, прежде всего, с точки зрения сохранения языкового разнообразия. Сохранение этого разнообразия считалось главной задачей ученых, политиков и лидеров языковых сообществ во всем мире и, в частности, в бывших республиках СССР. В России проблема языковых меньшинств в последние годы приобрела особенно острый характер из-за осознания растущей опасности исчезновения многих миноритарных языков и выдвижения многими национальными меньшинствами требований признания своих языковых идентичностей. В рамках этой парадигмы снижение этноязыковой жизнеспособности миноритарных языков и переход части из них в категорию языков, находящихся под угрозой исчезновения, рассматривались исключительно как последнее многолетней политики русификации. Именно повсеместное доминирование русского языка считалось основным препятствием для повышения уровня этноязыкового самосознания внутри этих сообществ и работы по возрождению многих языков. Использование миноритарных языков, попадающих в эту категорию, все больше ограничивается внутрисемейным общением, и они используются, в основном, носителями, принадлежащими к старшим возрастным категориям. При этом процесс смены языка (миноритарного на русский) носит, согласно этой точке зрения, насильственно-принудительный характер¹.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00294

Согласно теории этноязыковой жизнеспособности, сообщества, чьи языки обладают низкой жизнеспособностью, более подвержены языковой ассимиляции и, в конце концов, перестают существовать как отдельные этнические группы, тогда как сообщества с жизнеспособными языкам имеют больше шансов сохранить свои языки и свое культурное своеобразие в многоязычном государстве². Инициатором движений за сохранение и возрождение миноритарных языков везде выступала национальная интеллигенция, в среде которой осознание ценности своей этнической идентичности и национального языка имеет более высокий уровень.

Общепринятая система взглядов, организующая и координирующая социальные интерпретации и практики групп и их членов, образует идеологию. Языковые идеологии — *«это общие рамки социальной мысли, которые организуют и координируют социальные интерпретации и практики языковых групп и их членов»*³. Эти идеологии касаются не только, и не столько языков, сколько выражают политические, военные и экономические интересы обладающих властью акторов. Глобальное распространение языка в любой исторический период поддерживается структурными неравенствами между культурами центра и периферии. Ценности и нормы, присущие центру, передаются периферии при посредстве различных социальных институтов с целью укрепить военную, политическую и экономическую власть центра. Это называется языковым империализмом, и он ведет к маргинализации периферийных языков и, в некоторых случаях, к смене языка⁴.

Смена языка происходит в результате изменения языковой политики на национальном уровне. Использование общего языка в интересах национальной идеологии представляет собой относительно новое явление, возникшее в конце XIX в. в процессе строительства национальных государств. Моноязычие и языковой пуризм использовались идеологами национализма для формирования новых национальных лояльностей: коммуникация на одном общем языке принималась за показатель аффилиации человека с нацией и лояльности этой нации. Связь национального государства только с одним языком означала, что группы, отклоняющиеся от общего стандарта, будут иметь более низкий социальный статус и считаться угрозой национальному единству. Воплощениями эксплицитной идеологии моноязычия являются законы об официальных языках, языковые стандарты и учебные планы, а также СМИ, народная культура и внутрисемейное общение⁵.

Распад Советского Союза и образование на его территории новых национальных государств привели к интенсификации этнических процессов, которые спровоцировали дискурсивное переосмысление истории СССР и изменение соотношений статусов идентичностей новых титульных и миноритарных групп. Внутри России стали проявляться конкуренция и сосуществование разных национальных и националистических

идеологий, которые отразились на юридическом и фактическом статусе русского языка.

С другой стороны, модернизация экономики и глобализационные процессы вызвали конфликт между старой и новой языковыми идеологиями, изменивший систему представлений об отношениях языков в обществе под влиянием экономических и политических интересов.

Под влиянием западных исследователей, главным образом, британских, французских и американских, основывающих свои теоретические построения на эмпирическом материале своих колониальных империй или завоевания Северной Америки, изучение национальных отношений в Российской империи, СССР и Российской Федерации традиционно осуществляется в рамках колониальной имперской парадигмы, тогда как более адекватной для изучения этих геополитических образований была бы другая парадигма — мультиэтнической и мультинациональной империи, примерами которой являются, например, Римская империя, Австро-Венгерская империя и, в наши дни, Европейский союз. Учет этого концептуального различия позволяет с другой точки зрения оценивать, в частности, российскую и советскую языковую политику и языковое законотворчество.

Начало этой идеологии было положено еще в 1918 г., когда правительство американского президента В. Вильсона разработало план расчленения России на отдельные «самостоятельные области», подвластные США. Официальная карта России, составленная госдепартаментом США для Парижской мирной конференции, состояла лишь из Среднерусской возвышенности. В приложении к ней говорилось: «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждая со своей экономической жизнью»⁶.

В 1959 г. конгресс США принял «Закон о порабощенных народах» *P. L. 86–90* (в некоторых переводах «Закон о порабощенных нациях»), лоббируемый галицийским националистом Львом Добрянским и его единомышленниками, нашедшими убежище в США после окончания Второй мировой войны⁷. По этому закону Россия и русские признавались агрессорами, а все народы Советского союза и социалистических стран Восточной Европы — порабощенными народами, которые нужно освободить от коммунистического гнета и вернуть в лоно западной демократии. Никто даже не пытался скрыть, что вся концепция порабощенных народов была заимствована демократическими Соединенными Штатами у фашистской Германии, вплоть до того, что, например, Белоруссия называлась в этом документе «Белой Рутенией», по названию образованной гитлеровскими спецслужбами в 1937 г. из польских и белорусских националистов «Нацистской партии Белой Рутении».

В качестве награды за участие в этой стратегической операции нацистов национальным меньшинствам в СССР и, соответственно, республи-

кам, на территории которых они признавались титульными народами, обещалась номинальная независимость, в качестве, разумеется, спутников Третьего рейха. В англо-саксонском варианте стратегия «*Roll-back*» (Откат назад) имела целью полное сокрушение СССР и изгнание коммунистов из Восточной Европы и воплощалась с помощью акции «*Crusade for freedom*» (Крестовый поход за свободу), проводившейся силами ЦРУ и СМИ.

Основная разница между колониальной и мультинациональной империей заключается в том, что в первом случае метрополия богатеет за счет колоний, а во втором — она финансирует их развитие, стремясь поднять его до своего уровня. Анализ распределения вклада в производство и распределение доходов по республикам СССР показывает, что только две республики (РСФСР и Белоруссия) производили больше, чем потребляли, а остальные тринадцать «братских республик» ходили с протянутой рукой, не забывая повторять, что они кормят Россию и остальных советских нахлебников. Для того чтобы держать партийное руководство в напряжении и создавать необходимость постоянного заливания пожара деньгами, нужно было демонстрировать ненависть маленьких, но гордых народов к «русским оккупантам»⁸.

При этом чемпионами по потреблению были республики Закавказья и Прибалтики. Их запредельно высокий для СССР уровень потребления обеспечивался за счет труда жителей РСФСР, каждый из которых ежегодно отдавал 6000 долларов на покрытие разницы между производством и потреблением жителей других республик. Сегодня жители этих республик считают себя объектами колониального угнетения и грабежа со стороны «русских колонизаторов» и требуют компенсации за понесенный ущерб.

Всплеск этнонационализма и регионализма, произошедший в период острого политического и экономического кризиса первой половины 1990-х гг., привел к тому, что бывшие автономии стали пытаться, и часто небезуспешно, ограничивать компетенции федеральных органов власти. Эта тенденция четко просматривается в законах «О языках народов РСФСР» (1991), «О языках народов Российской Федерации» (1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992) и подзаконных актах к ним. Официально призванные укреплять единство системы образования, эти нормативные акты, под давлением интеллигенции из титульных этносов фактически дезинтегрировали единое образовательное пространство страны. Почти во всех национальных формированиях в составе РФ были приняты законы о языке, провозгласившие языки титульных наций государственными языками, которые стали юридической основой для дискриминационной этнической политики, что создает угрозу разрушения единого коммуникативного пространства России⁹. Хотя в ст. 20 Федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятого Верховным советом РФ в 1992 г., говорилось, что

«политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях»¹⁰.

Если федеральная власть России не сумеет сформулировать внятную политику, направленную на формирование единой политической нации, то национальную политику будут формулировать региональные элиты в своих интересах: провозглашение в России татарской, башкортостанской, марийской и прочих наций приведет к прекращению существования Российской Федерации как целостного образования, потому что цель каждой нации — иметь свое национальное государство¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Yagmur K., Kroon S.* Objective and Subjective Data on Altai and Kazakh Ethnolinguistic Vitality in the Russian Federation Republic of Altai // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2016. Vol. 27. № 3. P. 241.

² *Bourhis R. Y., Giles H., Rosenthal D.* Notes on the construction of a 'subjective vitality questionnaire' for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1981. Vol. 2. № 2. P. 145–155.

³ *Dijk T. A., van.* Ideology: A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. P. 8.

⁴ *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992. 190 p.

⁵ *Shohamy E.* Language policy: Hidden agendas and new approaches. London: Routledge, 2006. P. 25.

⁶ Закон о порабощенных народах. URL: <http://voprosik.net/zakon-o-poraboshhennykh-narodax-i-rossiya/> (дата обращения: 21.06.2017).

⁷ Как и кем подготавливался закон о расчленении России // Свободное слово Карпатской Руси. США: Ноябрь-декабрь 1979. С. 23.

⁸ *Холмогоров Е.* Кто кого кормил в СССР // Комсомольская правда. 24.08.2016. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26422/3295723/> (дата обращения: 14.05.2017).

⁹ *Марусенко М. А.* Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. С. 148–151.

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612–1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 14.05.2017).

¹¹ *Суздальцев И.* Российскими американцами сможем быть? // Известия. 05.05.2002. URL: <http://izvestia.ru/news/261524#ixzz2pmuxx8K2> (дата обращения: 13.05.2017).

Marusenko M. A.

Saint-Petersburg State University

ACTUAL PROBLEMS OF LANGUAGE POLICY OF RUSSIAN FEDERATION: PARADIGM CHANGE

The article substantiates the need to change the scientific paradigm that determines the language ideology and language policy of the Russian Federation both in the era of the existence of the USSR and after its disintegration. Ethnocultural language paradigm, which strengthens centrifugal tendencies in nation building, does not correspond to the goal of construction a single civilian Russian nation, which should determine the tasks of language policy at the present stage.

Keywords: language ideology, language policy, national identity, civil nation, ethno-nationalism, regionalism.